

Лу Юньчжэнь был в полном недоумении...

Ситуация становилась неловкой. Мо Чанкун, заметив умоляющий взгляд своего шизуна, наконец, нехотя подошел и, указывая на мужчину в богатых одеждах, сказал:

— Шизун, это второй ученик.

Лу Юньчжэнь на мгновение замер, затем, осознав произошедшее, поспешно кинулся вперед и потянул мужчину за руку, помогая ему встать. Взгляд его задержался на красивом лице Хэ Цзиньняня, чьи черты излучали благородство, а манеры были исполнены уважения и учтивости. Это вызвало у него немалую растерянность...

Хотя внешность Хэ Цзиньняня не обладала той же очаровательной красотой, как у лис из Цинцю, но этот облик, эти манеры... Что тут может быть общего с уродством? Более того, он был вежлив, соблюдал правила, казался человеком надежным. Как же он мог совершить этот ужасный поступок, доводя шизуна до смерти своими назиданиями?

Хэ Цзиньнянь, закончив приветствие, поднялся и, заметив выражение шока на лице шизуна, немного подумал и спросил:

— Неужели А-Суй что-то рассказал обо мне?

Лу Юньчжэнь задумался и осторожно предположил:

— Он сказал, что ты отругал его за плохие результаты на экзамене по талисманам... Может, ты был слишком строг? Мне кажется, третье место — это довольно неплохо.

Хэ Цзиньнянь серьезно ответил:

— В том испытании было всего трое участников. А-Суй ленился, пренебрегал тренировками и не справился ни с одной задачей, за что я его и наказал.

Лу Юньчжэнь едва не рассмеялся: экзамен на троих, первое место — сто баллов, второе — восемьдесят, третье — ноль... Этот несносный лис Ху Суй! С каким лицом он вообще мог заявить, что с ним обошлись несправедливо, да еще и шизуна в это втянул?

Затем он бросил взгляд на Мо Чанкуна, который выглядел немного виноватым, и спросил:

— А это правда, что ты придирчив к еде и сердисься, если в воду для чая что-то добавляют?

— Я не придирчив. Все, что дается мне шизуном, — это деликатесы. Просто мой аппетит не

сравнится с аппетитом моих братьев, — с сожалением ответил Хэ Цзиньнянь. — В тот раз старший брат опрокинул мой чай и, боясь, что я замечу, добавил в него воду после мытья котелка. В то время я был моложе и не смог сдержать гнева.

Мо Чанкун недовольно возразил:

— Что в этом такого? Вода после мытья котелка — тоже вода! Просто у тебя слишком изысканный вкус. В детстве я даже воду с грязью пил!

Хэ Цзиньнянь фыркнул с отвращением:

— Вульгарно.

Лу Юньчжэнь, услышав это, наконец, все понял. В мужских общежитиях все то же самое: если кого-то нет, его тут же начинают «подкалывать». Чем лучше отношения, тем сильнее шутки и прозвища. Одно другого обиднее. Например, его прозвище было... э-э, лучше не упоминать.

Короче говоря, между братьями-учениками царила истинная дружба, раз они позволяли себе такие шутки.

Он наконец-то вздохнул с облегчением, доверив Хэ Цзиньняню разобраться с делом Юй Буцы. Тот должен был объяснить все предельно ясно и побыстрее избавиться от него, чтобы эти Плоскоголовые братья больше не доставляли ему хлопот.

Хэ Цзиньнянь доложил:

- Шизун, школа Ицзянь является ответвлением Пика Уцзянь. В их храме висит ваш портрет, и ученики ежедневно совершают поклонение в надежде, что это принесет вам веру и заслуги.

Улыбка Лу Юньчжэня мгновенно застыла, ему стало как-то не по себе.

Наконец Юй Буцы вышел из состояния шока, осознал происходящее, подошел к Лю Юньчжэню и, дрожа, совершил глубокий поклон:

- Ваш ученик в восемьдесят третьем поколении, Юй Буцы, приветствует предка!

Лу Юньчжэнь: «???»

Так он оказался основателем школы Ицзянь?

И все это сборище Плоскоголовых братьев - его потомки?

Лу Юньчжэнь вспомнил, как дерзко его пр-пра-ученики открыто спорили с предком, и у него подкосились ноги. Он с силой ущипнул себя за щеку, почувствовав резкую боль. Сон никак не заканчивался.

Мо Чанкун, увидев Хэ Цзиньняня, сразу же догадался о происходящем. Лишь благодаря тому, что тот был его младшим братом-соучеником, он простил этого безрассудного глупца.

Мечник должен иметь смелость обнажить меч перед сильным врагом, не боясь получить ранение. Шизун всегда поощрял учеников бросать вызов более могущественным противникам. Мо Чанкун с детства не признавал иерархии и частенько дрался с шизуном, начиная на вершине горы и заканчивая у подножия. А-Суй, избалованный этим отношением, не признавал авторитетов и, выучив иллюзии, любил разыгрывать шизуна.

Хэ Цзиньнянь, придерживаясь традиций, строго соблюдал установленные шизуном правила. Поэтому в школе Ицзянь царил строгая дисциплина, но если младший вызывал старшего на бой, а тот принимал вызов, и если поединок был честным, без уловок, это не считалось нарушением.

Главные прегрешения Юй Буцы были в том, что он не уважал старших, оскорблял предка, плохо воспитывал учеников, не различал, что правильно, а что нет, клеветал и действовал импульсивно и бездумно.

Все же его вина не была столь велика, чтобы приговорить к смерти.

Хэ Цзиньнянь позаботился о том, чтобы залечить его раны и убедиться, что жизни больше ничего не угрожает, после чего объявил приговор:

- Когда ты выздоровеешь, отправляйся в зал наказаний, где получишь пятьдесят ударов плетью, затем будешь месяц стоять на коленях в храме, а после уйдешь в затворничество для размышлений. Десять лет тебе запрещено обнажать меч.

Юй Буцы, испытывая сильнейший стыд, поклонился и принял наказание.

Лу Юньчжэнь, хотя и был мягкосердечным, понимал, что суровое наказание от Хэ Цзиньняня имело свою цель — ученики, хоть и были добродетельными, оставались упрямыми и не хотели слушать чужие советы. В этот раз недоразумение произошло внутри семьи и не привело к серьезным последствиям, но если бы это случилось с невинным посторонним, итог мог бы быть куда печальнее.

Это был наглядный пример для всех — суровый урок, чтобы эти глупцы научились смирению и осторожности. Затворничество должно было помочь Юй Буцы забыть о мече в руке и заново найти путь сердца меча.

Лу Юньчжэнь с важностью предка кивнул и приказал своему ученику отправиться вместе с ним в ближайшую клинику, чтобы сделать ему укол от столбняка.

...

Хэ Цзиньнянь передал свой телефон шизуну, попросив его помочь разобраться, почему Ху Суй не получает сообщения, что привело к тому, что он заблудился в городе без адреса. К счастью, случай помог ему оказаться в нужном месте благодаря вызову пра-пра-ученика.

Как только Лу Юньчжэнь взял телефон, Ху Суй сразу же прислал адрес. По времени это совпало с моментом перед вылетом съемочной группы за границу. Очевидно, лис понял, что шутки плохи, и испугался возможного наказания...

А вот Мо Чанкун не боялся вовсе, напротив, он был абсолютно спокоен в своем лукавстве, считая каждое свое слово правдой, а уж драки он любил — больше всего радовался, когда кто-то искал повод с ним поссориться.

Хэ Цзиньнянь, как прилежный ученик с Пика Уцзянь, человек рассудительный и спокойный, только покачал головой на поведение своих бесшабашных братьев и не стал уделять внимание перепалке с ними. Вернувшись из больницы, он призвал свой небесный паланкин и решил отправить непутевого пра-пра-ученика домой, пригласив шизуна посетить их школу:

- Все-таки это наша школа, стоит ее проведать, чтобы эти несмышленные дети больше не смели нарушать устои предков.

Юй Буцы с энтузиазмом закивал, искренне приглашая предка вернуться в горы и дать им уроки по фехтованию, а лучше всего — чтобы их предка возвели на пьедестал и они могли ежедневно слушать его наставления и чтить с почтением.

Лу Юньчжэнь почувствовал, что это одновременно трогательно и смешно. Ему всего двадцать лет, он был в полном здравии — какое уж тут почитание! Но он слышал, что Цю Цзун столкнулся с проблемами в техниках меча, что нарушило его духовную гармонию, и это было серьезно. Стоило обсудить ситуацию. К тому же ему самому было любопытно посмотреть, каким является первое в Поднебесной училище мечников...

В перерыве он написал сообщение Цзин Юну, что отправляется в небольшое путешествие, быстро собрал вещи и с радостью отправился в путь вместе с Мо Чанкуном.

Небесный паланкин был наполнен густым ароматом сандала, а на видном месте стоял огромный портрет самого Лу Юньчжэня — строгий и величественный, его невозможно было не заметить...

Лу Юньчжэнь остолбенел.

Хэ Цзиньнянь, взглянув на небо, зажег три благовонные палочки и сказал Юй Буцы:

- Позже отнеси эту фотографию в храм предков и замени ею старый портрет шизуна.

Юй Буцы похвалил:

- Шизун на этой фотографии выглядит так, словно заботится о судьбе государства, это вызывает глубокое уважение. Я сразу же велю ученикам оформить ее в рамку, чтобы мы могли ежедневно воздавать ему почести.

Мо Чанкун удовлетворенно добавил:

- Неплохая мысль.

- Постойте, я ведь еще жив! Нет, хотя... Я же уже умирал... — Лу Юньчжэнь чуть не подпрыгнул. — Чанкун, когда ты успел тайком сфотографировать меня? Это ведь на рынке рядом с домом! Какая еще «забота о судьбе государства»? Я просто увидел, что картошка подорожала на восемь мао*, и никак не мог решить, брать ее или нет!

(ПП: мао - 1 китайский цент)

Он решил забрать обратно свое мнение о том, что Хэ Цзиньнянь — отличный ученик!

Тот слишком хорошо умел подставлять учителя!

...

Сяньлуань летел по небу, а Лу Юньчжэнь всю дорогу говорил, уговаривал, выпытывал, применял все уловки, какие только мог придумать, но безрезультатно. Он наконец осознал, насколько упрямый характер у его второго ученика: если уж тот что-то решил, никакая сила, хоть девять быков, не смогла бы его сдвинуть с места.

В каждой секте должна быть картина предка, это правило. Ежедневное приветствие и подношение благовоний — тоже правило. Новое время, новые обычаи... фотографии ведь лучше картин, они четче и точнее...

Он поклонялся шизуну тысячи лет, страдал от обсессивно-компульсивного расстройства и чувствовал себя неуютно, не поклоняясь ему.

Но шизун застенчив и стыдлив...

В конце концов, Хэ Цзиньнянь неохотно согласился на компромисс: в храме останется картина, а фотографию уберут в парчовый ларец для хранения, и доставать ее будут только при смене главы секты, чтобы должным образом поклониться. Под конец он вздохнул:

- Раньше шизун всегда был особенно добр к старшему брату и А-Сую, всегда выполнял их просьбы.

Разве мог шизун так несправедливо обходиться со своим вторым учеником? Бросить его без внимания? Это всего лишь небольшое хобби, даже если вам придется выкопать целый Версальский дворец*, вы должны это выдержать!

(ПП: образно: копать ямку, чтобы спрятаться туда от стыда. А если яма размером с дворец, то значит, что Лу Юньчжэню очень-очень стыдно)

Лу Юньчжэнь, скрепя сердце, согласился.

Школа Ицзянь находилась на горе Цанлю, занимая ее вершину целиком. В радиусе ста ли это была частная территория, хотя, конечно... по официальным данным и на карте это значилось как лесной массив. Место живописное, а у подножия горы располагался лабиринт иллюзий, так что вошедшие в него либо возвращались обратно тем же путем, либо попадали в соседний туристический комплекс горы Улао.

Хэ Цзиньнянь приказал Сяньлуаню мягко приземлиться у ворот храма, затем торжественно провел ритуал и занес фотографию предка внутрь.

В храме висела старая картина, на которой был изображен мужчина с белым лицом без усов, с глазами, как медные колокольчики, похожий на Чжун Куя. Он держал длинный меч и с яростным выражением рубил дракона, при этом вокруг валялись трупы демонов, подчеркивая героический дух, сокрушающий чудовищ и драконов.

Художник был настоящим мастером, картина смотрелась великолепно, особенно тем, что совершенно не походила на оригинал — это было просто идеально. Лу Юньчжэнь остался доволен, осмотрев ее, но внезапно заметил огромную золотую статую, сверкающую роскошью и, что самое поразительное, она была точь-в-точь, как на картине.

Лу Юньчжэнь был ошеломлен:

- Это... это тоже я?

Юй Буцы, улыбаясь, пояснил:

- Несколько лет назад мы помогли одному богатому бизнесмену из Юго-Восточной Азии решить его семейные проблемы. В знак благодарности он заказал у китайских мастеров эту

золотую статую для предка.

Хэ Цзиньнянь сдержанно похвалил:

- Неплохо, очень похоже на шизуна.

Он с благоговением возложил благовония перед статуей.

Лу Юньчжэнь: «...»

Он начал сомневаться в эстетическом вкусе Хэ Цзиньняня.

Мо Чанкун, увидев, как его младший брат снова притворяется примерным, почувствовал внутреннее раздражение и тоже возжег благовония, причем выбрал самые толстые.

Лу Юньчжэнь сохранял спокойствие. Статуя и картина приносили секте заслуги и веру, а главное — храм школы Ицзянь не был открыт для посторонних, так что позор не мог выйти за его пределы.

Он мог бы выдержать!

Лу Юньчжэнь с трудом взглянул на свою золотую статую и картину, переполненный смутными чувствами, о которых некому было рассказать. Он тяжело вздохнул, заложил руки за спину и, задумавшись, вышел из храма, надеясь немного расслабиться... но едва распахнул дверь, как тут же испугался и чуть не отскочил обратно.

<http://bllate.org/book/13607/1206742>